ЗАУМАРКИНА МОГИЛА.

Радуница и семикъ принадлежатъ къ важнѣйшимъ и любимымъ праздникамъ Устюжанъ; оба посвящены памяти усопшихъ. Радуницей называется вторникъ Ѳоминой недѣли, въ который и во всей великой Россіи совершаются поминки, тогда какъ на Украйнѣ, это дѣлается въ понедѣльникъ. Семикомъ называется четвертокъ седьмой недѣли по Пасхѣ. Тотъ и другой день празднуется Устюжанами при Іоанно–Предтеченскомъ дѣвичьемъ монастырѣ, съ установленія при немъ въ эти дни крестныхъ ходовъ, или съ 1445 года.

За стѣнами этого монастыря была сосновая роща, отжившая вмѣстѣ съ отцами нашими, но остатки пней о–сю–пору покрываютъ неровную мѣстность. Это не тотъ боръ однакоже, который, еще до построенія монастыря, служилъ мѣстомъ соколиной охоты для Устюжскихъ баскаковъ; есть напротивъ любопытное и

правдоподобное преданіе, которое объясняетъ намъ, откуда взялся на этомъ мѣстѣ небольшой сосновый борокъ, коего пни доказываютъ и нынѣ, что деревья стояли довольно рѣдко и притомъ большею частію на небольшихъ буграхъ или насыпяхъ.

На этомъ мѣстѣ было встарину, въ теченіе многихъ вѣковъ, покоище, т. е. тутъ погребали умершихъ безъ покаянія, скоропостижною смертію, погибшихъ несчастными случаями и самоубійцъ. Для этого здѣсь становилась скудельня, родъ часовни и упокойнаго дома, подъ которымъ вырывалась одна общая большая могила, гдѣ ставились всѣ, кому суждено было втеченіе того года лежать не на кладбище, а на покоищѣ, и быть погребеннымъ безъ отпѣванія. Но человѣколюбіе и христіанское примиреніе не лишало и этихъ отверженныхъ части благодатныхъ обрядовъ своихъ, совершая ихъ къ утѣшенію родственниковъ и ближнихъ одинъ разъ въ году, въ видѣ общаго поминовенія. Тогда на покоищѣ этомъ

дѣлался крестный ходъ, въ которомъ участвовалъ самъ Преосвященный со всѣмъ духовенствомъ, и надъ общей могилой отправлялась панихида. Это дѣлалось именно въ день Семика. Приходскіе священники по просьбѣ мірянъ отправляли, послѣ общей панихиды, частныя. Отъ этого произошло здѣсь обыкновеніе посѣщать въ Семикъ кладбище. По окончаніи панихидъ, скудельня переносилась по близости на новое мѣсто, для приготовленія другаго зимовища, какъ называли эту общую могилу, а старая зарывалась, на ней насыпался небольшой курганъ, и вмѣсто креста или инаго памятника, который вообще у насъ не заведено ставить надъ могилами безъ покаянія умершихъ, здѣсь бывала посажена молодая сосна. Вотъ происхожденіе бывшей монастырской рощи. Время изводитъ все; въ могилахъ остались однѣ полуистлѣвшія кости, а на могилахъ дуплястые пни, которыхъ вскорѣ не будетъ вовсе.

Есть преданіе, что когда въ Устюгѣ свирѣпствовалъ моръ, подъ названіемъ

черной смерти, гдѣ болѣзнь обнаруживалась черными болячками по тѣлу, то многіе изъ жителей, коль скоро только черная немочь на нихъ обнаруживалась, сами уходили за городъ въ скудельню, и тамъ умирали.– Всѣ знали, что спасенія отъ этой болѣзни не было, что она заразительна и легко передавалась отъ одного человѣка другимъ, и народъ, покоряясь этому бичу небесъ, шелъ въ скудельню, и такъ сказать заживо самъ ложился въ могилу свою. Полагаютъ, что это было поводомъ къ основанію скудельни, которая впослѣдствіи обратилась въ покоище для умершихъ безъ совершенія надъ ними таинства и христіанскихъ обрядовъ.

Кромѣ этого общаго зимовища на томъ же мѣстѣ было много могилъ одиночныхъ или семейныхъ, если цѣлое семейство погибало внезапно отъ какого либо несчастнаго случая. Такъ, на примѣръ, преданіе о Заумарковой могилѣ еще свѣжо, на нее укажетъ вамъ каждый Устюжанинъ и пенъ сосны, посаженной по тогдашнему

обычаю на небольшую насыпь, составляетъ одну изъ примѣтъ ея. Вотъ что разказываютъ объ этой могилѣ:

Жилъ–былъ Устюжанинъ по прозванію Заумарко, житель такъ называемой здѣсь горы, человѣкъ пьяный и буйный. Никакія увѣщанія родственниковъ не могли его исправить, ни даже склонить малѣйше къ обузданію себя: онъ пьяный страшно мстилъ всякому, кто ему трезвому дѣлалъ упреки или читалъ наставленія, стараясь пробудить въ немъ совѣсть. Такимъ образомъ всѣ отъ него отступились, никто не хотѣлъ связываться съ Заумаркой, ни съ пьянымъ, ни съ трезвымъ, если только онъ бывалъ когда нибудь трезвъ: всякой обходилъ его встрѣчаясь съ нимъ на улицѣ, а черезъ порогъ къ нему не переступалъ никто.

Но есть связи такого рода, которыхъ человѣкъ не въ силахъ разорвать, и была такая несчастная душа, которая должна была жить подъ одной кровлей съ Заумаркою: за нимъ утопили хорошую дѣвку, которой плачъ и стоны слышалъ

одинъ только Богъ, сосѣди же были до нея глухи. Этого мало, у нея было еще отъ Заумарки двое дѣтей, сынъ, и дочь, которыхъ она хоронила отъ мужа, опасаясь его звѣрскаго и безумнаго сердца. Однажды раннимъ утромъ сосѣди увидѣли семи–лѣтнюю дочь Заумарки передъ домомъ на улицѣ: она стояла спокойно и не сводила глазъ съ родительскаго дома. Люди объ ней не заботились; многіе ходили туда и сюда, за суетными нуждами своими, и обходили несчастнаго ребенка, чуждаясь отверженнаго отца. — Уже солнце поднялось въ дерево и выше, а дѣвочка стояла все на одномъ и томъ же мѣстѣ, какъ не живая. Наконецъ одинъ добрый человѣкъ, которому показалось это небывалымъ, подошелъ къ ней и сталъ ее распрашивать; вскорѣ собралось много народу, всѣ слушали, пожимали плечами, переговаривались шопотомъ, и со страхомъ поглядывали на Заумаркину избу: ребенокъ говорилъ очень просто и ясно, что отецъ зарѣзалъ мать и сына, а самъ упалъ на полъ и сгорѣлъ. Послѣ долгихъ толковъ

рѣшились войти въ избу: ребенокъ сказалъ правду; мать и сынъ были зарѣзаны и плавали въ крови, а безобразные остатки отца, сгорѣвшаго самъ собою отъ вина, лежали на полу. Трехъ покойниковъ похоронили на извѣстномъ покоищѣ, но въ особой могилѣ; она, какъ я сказалъ, и донынѣ называется Заумаркиной, и по общему тогда обычаю украшена была сосной.